М. Известия. 6/ VIII 1925 г.

Исполнилось десять лет со дня смерти К. Варламова, одного из крупнейших актеров русской сцены XIX столетия. Варламов, как артистическая величина, — явление исключительное. Потому исключительное, что дарование его было стихийным, мало дисциплинированным, внешне и внутренне богатым, разнообразным, чрезвычайно гибким.

Этот тучный человек, с очень круглым русским лицом, с зрим его изумительным говорком, конечно, не был до конца понят и оценен современниками. Впрочем, и сам Варламов не до конца понял, какую силу таил он в себе, и во что бы могла эта сила развернуться при иных условиях.

А между тем, яркость дарования и глубина чисто интуитивного достижения ролей могли бы поставить Варламова в ряд величайших артистов Европы. Вряд ли у кого-нибудь из современных ему мастеров сцены можно было бы найти такое удивительное сочетание комического с глубоко драматическим.

Он лезил свои образы, совсем не задумываясь над идеологической их сущностью, но, играл хищника-кулца в «Хрущевских помещиках», он создавал фигуру прежде всего заме-

чательную тем, что она до конца раскрывала социальное содержание типа. Его Лебедев в «Иванове» выражал собой опустошение духом той российской интеллигенции, которая в своих чеховских «Хмурых людях» завершала тургеневских лишних людей. Варламов об этом не знал. Он не хотел об этом знать. Моцарт драматической сцены, «гений и гуляка праздный», он беззаботно из одной роли переходил в другую. Достаточно сказать, что в его репертуаре было больше тысячи ролей. Веселочувственный, он не имел себе равного в Островском, Гоголе, Сухово-Кобылине. Но он с такой же полнотой преображался в ролях мирового репертуара. Актер комический, он поднимался до высот истинно трагических.

История его сценического пути — своего рода любопытный парадокс. Актер вровень величайшим европейским художникам сцены, он растратил себя на Потехина, В. Крылова, Е. Карпова.

Да, именно, на них: основной репертуар Александринского театра в пору расцвета Варламова держался ведь не на Островском и не на Гоголе, и уж, конечно, не на Мольере...

ЮРИЙ СОБОЛЕВ.